

Олег Лекманов
(Москва)

Книга стихов Анны Ахматовой «Вечер» (1912) как «большая форма»¹

Как известно, Ахматова, оглядываясь на пройденный путь в поздние годы жизни, оценивала свою дебютную книжку не слишком высоко. «Эти бедные стихи пустейшей девочки почему-то перепечатываются тринадцатый раз (если я видела все контрафакционные издания), — с хорошо разыгранным удивлением писала поэтесса в одной из своих мемуарных заметок. — Появились они и на нескольких иностранных языках. Сама девочка (насколько я помню) не предрекала им такой судьбы и прятала под диванные подушки номера журналов, где они впервые были напечатаны, “чтобы не расстраиваться”. От огорчения, что “Вечер” появился, она даже уехала в Италию (1912 г., весна), а сидя в трамвае, думала, глядя на соседей: “Какие они счастливые — у них не выходит книжка”»². Соответственно, свой «<п>ервый сборник Ахматова никогда не перепечатывала отдельно, только (и частично) в составе следующей книги — “Четки”, где, однако, стихотворения из “Вечера” помещались особым разделом»³, то есть эти стихотворения, объединенные именно под этим заглавием все же не были преданы полному забвению. Можно еще прибавить, что, работая в конце жизни над составлением канонического свода своих произведений, поэтесса в какой-то момент намеревалась включить туда раздел, куда вошли бы совсем ранние ее стихотворения. Назвать этот раздел Ахматова планировала «Предвечерие»⁴. Значит, «Вечер» сохранял в ее глазах статус исходной точки отсчета поэтического пути.

«<В>споминая свои давние огорчения и юношескую неготовность к славе, — итожит Р. Д. Тименчик, — Ахматова прекрасно сознавала, как много значила для русской поэзии изданная в трехстах экземплярах книга — книга, принесшая в отечественную культуру новое видение»⁵

Но главная причина, которая побуждает нас подробно поговорить здесь именно о «Вечере» — не эта. Среди ахматовских мемуарных заметок находим и такую, хронологически несомненно относящуюся к стихам не «Четок», а «Вечера»: «<В>есь акмеизм рос от» наблюдений Гумилева «над моими стихами тех лет, так же как над стихами Мандельштама»⁶. К этой мысли Ахматова в своих «Записных книжках»

вернулась еще раз, говоря о себе в третьем лице: «<О>на стала акмеисткой пот<ому>, что стихи ее не носили уже черт, присущих символизму, и <...> сам акмеизм слагался в сознании Гумилева под влиянием этих стихов, кот<орые> возникали у него на глазах»⁷.

Следовательно, мы можем надеяться, что изучая поэтику книги стихов «Вечер», мы будем анализировать и поэтику зарождавшегося в 1912 г. акмеизма, во всяком случае, акмеизма в изводе начинавшей Ахматовой.

1

На страницах «Вечера» встречаются уже почти все важнейшие составляющие ахматовского фирменного стиля. Это и разговорность стихотворений, написанных как бы с установкой на прозаический рассказ; и их сюжетность; и эпиграмматическая лаконичность словесного выражения; и, наконец, умение обозначить всякое душевное состояние внешним признаком, который делает его конкретным и индивидуальным — через жест или изображение предмета⁸.

Нас же далее будет больше всего интересовать то *новое*, что выявилось в поэтике ранней Ахматовой, когда отобранные ею отдельные тексты образовали сложное надтекстовое единство — книгу стихов. Также мы попытаемся уяснить, как книга стихов Анны Ахматовой «Вечер» соотносится с теми разновидностями поэтических книг, которые к этому времени сформировались в составительской и издательской практике русских модернистов.

Из всех типов модернистских стихотворных книг «Вечер» ближе всего к условному дневнику (в ахматовском случае — природоведческому и любовному), представленному в символистском спектре отечественной поэзии в первую очередь книгами Ивана Коневского, Зинаиды Гиппиус, Максимилиана Волошина...⁹

На дневниковые хронологические привязки многих стихотворений «Вечера» просто невозможно не обратить внимания. Самый выразительный пример — почти комически звучащий зачин четырнадцатого стихотворения книги:

Я сошла с ума, о мальчик странный,
В среду, в три часа!¹⁰

Но и в других стихотворениях «Вечера» с легкостью отыскиваются строки, свидетельствующие о стремлении молодой поэтессы оперировать более или менее точными промежутками времени: «И столетие мы лелеем // Еле слышный шелест шагов» («Смутный отрок бродил

по аллеям...»); «...Хочешь знать, как все это было? — // *Три* в столовой *пробило*» («...Хочешь знать, как все это было?...»); «Но я пытку мольбой не нарушу, // О, покой мой *многонеделен*» («Как соломинкой, пьешь мою душу...»); «О как вернуть мне *быстрые недели* // Его любви воздушной и *минутной!*» («Высоко в небе облачко серело...»); и еще раз — с уточнением количества недель: «Что слышу? Целых *три недели* // Все шепчешь: “бедная, зачем”?!» («Мне больше ног моих не надо...»).

Психологическая мотивация этого стремления дана в начальных строках сорок второго стихотворения книги:

Я живу, как кукушка в часах,
Не завидую птицам в лесах,
Заведут и кукую.

Также в первой ахматовской книге мы находим многочисленные указания на календарную приуроченность описываемых в стихотворениях событий и/или на время суток, в которое эти события происходили.

Пять раз в стихотворениях «Вечера» упоминается об осени: «Ведь пахли иначе травы. // *Осенние* травы» («Любовь покоряет обманно...»); «Между кленов шепот *осенний* // Прошептал: “со мною умри!...”» («Песня последней встречи»); «Легкий *осенний* снежок // Лег на крикетной площадке» («Я написала слова...»); «*Осень* ранняя развесила // Флаги желтые на вязах...» («Мне с тобою пьяным весело...»); «Вечер *осенний* был душен и ал» («Сероглазый король»). Ровно столько же раз в «Вечере» отчетливо говорится о зиме: «За ночь придти успеет // *Зима*» («Память о солнце в сердце слабеет...»); «Я в *январе* была его подругой» («Высоко в небе облачко серело...»); «Дни томлений острых прожиты // Вместе с белою *зимой*...» («Сердце к сердцу не привязано...»); «Но это было белою *зимой*» («Сегодня мне письма не принесли...»); «Он весь сверкает и хрустит, // *Обледенелый* сад» («Он весь сверкает и хрустит...»). И столько же раз речь заходит о весне, которой Ахматова, вслед за Анненским¹¹, судя по всему, предпочитала зиму¹²: «Он мне сказал: не жаль, что ваше тело // Растает в *марте*, хрупкая Снегурка!» («Высоко в небе облачко серело...»); «*Весенним* солнцем это утро пьяно» («Весенним солнцем это утро пьяно...»); «Прошуми высокой осокой // Про *весну*, про мою *весну*» («Хорони, хорони меня, ветер...»); «Муза сестра заглянула в лицо. // Взгляд ее ясен и ярк. // И отняла золотое кольцо // Первый *весенний* подарок» («Муза сестра заглянула в лицо...»); «*Весна* как трель серебряного смеха» («Сегодня мне письма не принесли...»).

Отметим, что читательскому восприятию книги Ахматовой как дневника способствует и полное отсутствие в «Вечере» прямых упоминаний о лете и летних месяцах. Ведь каждому по личному опыту хорошо известно, что в это время года дневник обычно забрасывается в угоду всевозможным дачным увеселениям. При этом Ахматова, опять же, вслед за Анненским, испытывала особое тяготение к описанию пограничных календарных ситуаций, например перехода осени в зиму и зимы в весну¹³.

Главенствующее время суток в дебютной книге Ахматовой, как легко догадаться, вечер. Этот мотив прямо или косвенно возникает во многих стихотворениях книги: «И в дальнем поле дальний *огонек*» («И мальчик, что играет на волынке...»); «Круг от *ламп* желтой» («Дверь полуоткрыта...»); «Синий *вечер*. Ветры кротко стихли» («Синий вечер. Ветры кротко стихли...»); «Над трепещущей осиною // Легкий *месяц* заблестел» («Я пришла сюда, бездельница...»); «Надо мной блуждающий *вечер* <...> // Закрой эту черную рану // Покровом *вечерней* тьмы» («Хорони, хорони меня ветер...»); «Я за *ужином* зеваю, // Забываю есть и пить» («Все тоскует о забытом...»); «— “Как *поздно!* Устала, зеваю...”» («— “Как *поздно!* Устала, зеваю...”»); «*Последний* луч, и желтый и тяжелый, // Застыл в букете ярких георгин» («*Вечерняя* комната»); «*Вечер* осенний был душен и ал» («Сероглазый король»); «Даже девочка, что ходит // В город продавать хамсу, // Как потерянная бродит // *Вечерами* на мысу» («Рыбак»); «Он любил три вещи на свете: // За *вечерней* пень» («Он любил три вещи на свете...»).

Эмблемой наступившего вечера, причем, зачастую — обманной, в книге Ахматовой служат горящие или незажженные свечи¹⁴: «Только в спальне горели *свечи* // Равнодушно-желтым огнем» («Песня последней встречи»); «*Свечи* в гостиной зажгут, // *Днем* их мерцанье нежнее» («Я написала слова...»); «Ах, дверь не запирала я, // Не зажигала *свеч*» («Белой *ночью*»); «Жгу до *зари* на окошке *свечу*» («Муза сестра заглянула в лицо...»). По-видимому, именно у Ахматовой мотив свечи как обманного вечера перенял Мандельштам, завершивший свое стихотворение «Лютеранин» (1912) такой строкой: «И в *полдень* матовый горим, как *свечи*».

С вечером и ночью в книге Ахматовой естественным образом увязывается и ключевой мотив сна.

Находится в «Вечере» место и изображению *утра*, причем, как минимум, в двух строфах двух стихотворений книги это изображение по контрасту с остальными строфами выполнено яркими мажорными красками, заставляющими вспомнить об Илье Машкове или о раннем Михаиле Кузмине:

Радостно и ясно
Завтра будет утро,
Эта жизнь прекрасна,
Сердце, будь же мудро.
(ст-ние «Дверь полуоткрыта...»)

и:

Весенним солнцем это утро пьяно
И на террасе запах роз слышной,
А небо ярче синего фаянса¹⁵.
(ст-ние «Весенним солнцем это утро пьяно...»)

Тут нужно заметить, что ассоциирующееся с концом прожитого дня заглавие *дебютной* книги Ахматовой «Вечер» могло восприниматься и воспринималось современниками как отчасти неожиданное и даже провокативное, особенно на фоне заглавий *итоговых* поэтических книг Афанасия Фета («Вечерние огни») и Евгения Баратынского («Сумерки»)». «Благодарю глубокоуважаемую Анну Андреевну за благоуханный “Вечер”, в котором хочу видеть и вижу богатое звуками, цветом и цветами Утро Вашей музыки», — 26 октября 1912 г. писал Ахматовой Владимир Пяст¹⁸. Не настаивая на этом, выскажем осторожное предположение, что заглавие первой ахматовской книги стихов держал в сознании и Осип Мандельштам, полемически (?) давая своей программной статье название «Утро акмеизма».

Впечатление от «Вечера» как от природоведческого дневника усугубляется, в том числе, и благодаря стремлению Ахматовой к конкретности и точности при описании пейзажей и деталей, вынутых из пейзажей. Так, у нее часто фигурируют не просто цветы, а те или иные их разновидности: «Почудится в дреме левкоя» («Любовь»); «На кустах зацветает крыжовник» («Как соломинкой, пьешь мою душу...»); «И на террасе запах роз слышной» («Обман»); «Сухо пахнут иммортели» («Жарко веет ветер душный...»); «Я несу букет левкоев белых» («Синий вечер. Ветры кротко стихли...»); «Целый букет принесут // Роз из оранжереи» («Я написала слова...»); «Знаю, гадая не мне обрывать // Нежный цветок маргаритку» («Музе»); «И бледный, с букетом азалий, // Их смехом встречает Пьеро» («Маскарад в парке»); «Жужжит пчела на белой хризантеме» («Вечерняя комната»); «Последний луч, и желтый и тяжелый, // Застыл в букете ярких георгин» («Вечерняя комната»); «Я люблю только радости мига // И цветы голубых хризантем» («Подражание И. Ф. Анненскому»). Также в книге изображаются *повилика* (в стихотворении «Я пришла сюда, бездельница...»), *лебедя* (в стихотворении «Я на солнечном восходе...») и *осока* (в стихотворении «Хорони, хорони меня, ветер...»).

Сходным образом, в стихотворениях «Вечера» часто упоминаются не просто деревья, а разнообразные их породы: «Поверженный под старым кленом» («...А там мой мраморный двойник...»); «Иглы елей густо и колко // Устилают низкие пни» («Смуглый отрок бродил по аллеям...»); «Ива на небе пустом распластала // Веер сквозной» («Память о солнце в сердце слабеет...»); «Веют липы сладко» («Дверь полуоткрыта...»); «Между кленов шепот осенний» («Песня последней встречи»); «На стволе корявой ели // муравьиное шоссе» («Жарко веет ветер душный...»); «Тополя тревожно прошуршали» («Синий вечер. Ветры кротко стихли...»); «Осень ранняя развесила // Флаги желтые на вязах» («Мне с тобою пьяным весело...»); «Над трепещущей осиною // Легкий месяц заблестел» («Я пришла сюда, бездельница...»); «Читала записку: “У клена // Я жду вас, таинственный граф”» («— “Как поздно! Устала, зеваю...”...»); «Вход скрыл серебриющийся тополь...» («Маскарад в парке»); «Выходят. На вязах, на кленах // Цветные дрожат фонари» («Маскарад в парке»); «Тело у старого дуба нашли» («Сероглазый король»).

Для сравнения: во втором издании мандельштамовского «Камня» (1915), которое по объему вполне сопоставимо с «Вечером», названия конкретных цветов упоминаются пять раз, а деревьев — восемь (у Ахматовой, как легко подсчитать, четырнадцать раз называются разновидности цветов и столько же — деревьев).

Все эти индивидуальные для каждого стихотворения мотивы соседствуют в «Вечере» с природными реалиями, общими для большинства пейзажей ранней Ахматовой. Это *солнце*,¹⁹ *месяц*²⁰ или *звезды*²¹, показывающие читателю, какое время суток стоит в данном стихотворении, а также *небо*²², *поле*²³ и *ветер*²⁴. В этом отношении пейзажи «Вечера» напоминают пейзажи пушкинской прозы, как они описываются А. П. Чудаковым: «Одна из основных черт прозаического пушкинского пейзажа заключается в том, что число природных феноменов, использованных в нем, исчислимо: время суток, положение светил, состояние атмосферы (ветер или его отсутствие, температура), общий вид окружающей местности»²⁵.

В ряде случаев, например, в первой строфе семнадцатого стихотворения книги, в рамках одной картинке ключевые мотивы ахматовских пейзажей объединяются:

Жарко веет ветер душный,
Солнце руки обожгло,
Надо мною свод воздушный,
Словно синее стекло...

Иногда природная или городская картинка прорезается в «Вечере» доро́гой или тропинкой. Этот мотив, судя по контекстам, воплощает у ранней Ахматовой тему жизненного пути автора, так же, как в стихах одного из поэтических ахматовских учителей — Александра Блока²⁶. Не случайно, по-видимому, мотив дороги и тропинки обыгрывается в рецензии на «Вечер», написанной наблюдательным Валерианом Чудовским: «Анна Ахматова умеет по большой дороге современной художественной культуры идти с такой самобытной независимостью личной жизни, как будто бы эта большая дорога была причудливой тропинкой ее заповедного сада»²⁷.

Вот как тема движения лирической героини разворачивается в «Вечере», беря отсчет от юношеских прогулок главного для Ахматовой поэта: «Смуглый отрок *бродил* по аллеям // <...> // И столетие мы лелеем // Еле слышный *шелест шагов*» («Смуглый отрок бродил по аллеям...»); «Я *сбежала*, перил не касаясь, // Я *бежала* за ним до ворот» («Сжала руки под темной вуалью...»); «Но *шаги* мои были легки» («Песня последней встречи»); «Я *пойду дорогой* недалней» («Как соломинкой, пьешь мою душу...»); «*Дорогу* вижу до ворот» («Весенним солнцем это утро пьяно...»); «Я *пришла* сюда, бездельница» («Я пришла сюда, бездельница...»); «Старый друг бормочет мне: “не каркай! // Мы ль не встретим на *пути* удачу”» («Под навесом темной риги жарко...»)²⁸; «*Приду*, как только позовешь» («Вере Ивановой-Шварсалон»).

Может быть, хотя и не обязательно, природные картинки Ахматовой времен «Вечера» вольно или невольно проецировались ею на пейзаж, начинающий тему пути в блоковском творчестве. Мы имеем в виду знаменитое «Вступление» к «Стихам о Прекрасной Даме»:

Отдых напрасен. Дорога крута.
Вечер прекрасен. Стучу в ворота.
Дольнему стуку чужда и строга,
Ты рассыпаешь кругом жемчуга.
Терем высок, и заря замерла.
Красная тайна у входа легла.
Кто поджигал на заре терема,
Что воздвигала Царевна Сама?
Каждый конек на узорной резьбе
Красное пламя бросает к тебе.
Купол стремится в лазурную высь.
Синие окна румянцем зажглись.
Все колокольные звоны гудят.
Залит весной беззакатный наряд.

Ты ли меня на закатах ждала?
Терем зажгла? Ворота отперла?

Сравним в двадцать восьмом стихотворении «Вечера», с соответствующими гендерными переменами ролей:

Ты поверь, не змеиное острое жало,
А тоска мою выпила кровь.
В белом поле я тихую девушкой стала,
Птичьим голосом кличу любовь.
И давно мне закрыта *дорога* иная,
Мой *царевич* в *высоком кремле*.
Обману ли его, обману ли? — Не знаю!
Только ложью живу на земле.
Не забыть, как пришел он со мною проститься.
Я не плакала: это судьба.
Ворожу, чтоб царевичу ночью присниться,
Но бессильна моя ворожба.
Оттого ль его сон безмятежен и мирен,
Что я здесь у закрытых *ворот*²⁹,
Иль уже светлоокая, нежная Сирин
Над царевичем песню поет?

2

Здесь самое время от рассуждений об элементах природоведческого дневника в «Вечере» перейти к разговору об ахматовской книге, как о «любовном дневнике» (самоопределение)³⁰ — «жанре, в кот<ором> она не знала «соперников» (продолжаем цитату из мемуарной ахматовской заметки)³¹.

Для затравки обратим внимание на то очевидное обстоятельство, что многие «эротические» стихотворения «Вечера» связаны между собой не только и не столько прямыми мотивными переключками, сколько не сразу бросающимися в глаза намеками и полунамеками, расшифровывать которые внимательному читателю предоставляется самому.

Проиллюстрируем это наблюдение только одним развернутым примером из многих напрашивающихся, специально оттолкнувшись от едва ли не самого известного стихотворения ахматовской книги:

Сжала руки под темной вуалью...
«Отчего ты сегодня бледна?»...
— Оттого, что я терпкой печалью
Напоила его допьяна.

Как забуду? Он вышел, шатаясь,
Искривился мучительно рот,
Я сбежала, перил не касаясь,
Я бежала за ним до ворот.
Задыхаясь, я крикнула: «Шутка
Все, что было. Уйдешь, я умру».
Улыбнулся спокойно и жутко
И сказал мне: «Не стой на ветру».

Многие ли читатели (-ьницы) и запоминатели (-ьницы) этого стихотворения задумывались о том, как расшифровывается ключевая метафора его первой строфы? Что за «терпкой печалью» «допьяна» «напоила» лирического героя стихотворения героиня? Внятный намек на ответ содержится в зачине последней строфы: «Шутка // Все, что было...». Что «было»? По-видимому, *была* измена, *было* признание в измене, и вот теперь героиня умоляет героя не относиться ко *всему* этому всерьез. Для нас сейчас важно, что «спрятанный» мотив *измены* многое значит для выстраивания общего узора книги, как и прямо названные *перила*, «открыто» сцепляющие стихотворение «Сжала руки под темной вуалью...» со стихотворением «...Хочешь знать, как все это было?..»:

...Хочешь знать, как все это было? —
Три в столовой пробило,
И прощаясь, держась за *перила*,
Она словно с трудом говорила:
«Это все, ах нет, я забыла,
Я люблю Вас, я Вас любила
Еще тогда!»
«Да»?!

В свою очередь, вторая строка этого стихотворения отчетливо переключается со второй строкой еще одного стихотворения «Вечера», вероятно, намекая читателю на связь событий, изображенных там и тут:

Я сошла с ума, о мальчик странный,
В среду, *в три часа!*
Уколола палец безымянный
Мне звенящая оса.
Я ее нечаянно прижала,
И, казалось, умерла она,
Но конец отравленного жала
Был острей веретена.
О тебе ли я заплачу, странном,
Улыбнется ль мне твое лицо?

Посмотри! На пальце безымянном
Так красиво гладкое кольцо.

Все это стихотворение представляет собой развернутую реплику героини в воображаемом диалоге с героем — «мальчиком *странным*», которому она неожиданно для себя уподобилась («Я сошла с ума»). С дневниковой точностью («В среду, в три часа») датируется ее «приключение», до того пустячное, до того обыденное, что едва ли не любая читательница или читатель могут с легкостью поставить себя на место героини: случайно придавленная и вроде бы уже мертвая оса, тем не менее, ухитряется инстинктивно ужалить обидчицу. Как обычно у Ахматовой, во внешних, незначительных событиях отражается полная драматизма душевная жизнь. В этом стихотворении все разыграно, что называется, «на пальцах»: в «палец безымянный» жалит героиню оса — на «пальце безымянном», «красиво гладкое кольцо». Вся соль — в пропущенном, но подразумеваемом эпитете — *обручальное* кольцо. «Рядом с» «лирической обнаженностью» в стихах «Вечера» находил «причудливые загадки (вроде прекрасного сближения обручального кольца с осиным жалом)» один из первых рецензентов книги — Василий Гиппиус³². Действительно, центральные эмблемы ахматовского стихотворения — круглое «гладкое кольцо» (воплощение женского начала) и острое «отравленное жало» (воплощение мужского начала), с одной стороны, чрезвычайно выразительны, с другой, совершенно ненавязчивы.

Таким образом, три процитированные в этой главке стихотворения «Вечера» складываются в тайный «трилистник», объединенный ключевыми мотивами и общим сюжетом: (1) Замужняя героиня неожиданно для себя влюбляется в «мальчика» (стихотворение «Я сошла с ума о, мальчик странный...») — (2) Через какое-то время она признается ему в этом (стихотворение «...Хочешь знать, как все это было?..») — (3) Спустя еще какое-то время она рассказывает об измене мужу (стихотворение «Сжала руки под темной вуалью...»). Парадокс, однако, заключается в том, что в «Вечере» все эти события следуют точно в обратном порядке. Стихотворение «Сжала руки под темной вуалью...» в книге седьмое; стихотворение «...Хочешь знать, как все это было?..» — одиннадцатое; стихотворение «Я сошла с ума о, мальчик странный...» — четырнадцатое³³.

Для чего эта и многие другие подобные перестановки понадобились Ахматовой? На наш взгляд, для того, чтобы расшатать читательское восприятие «Вечера» как поэтического дневника, не упуская при этом от возможностей, предоставляемых дневниковой формой.

Впрочем, от главной внешней приметы дневниковой формы Ахматова в «Вечере» как раз отказалась. Мы говорим о датировках под стихотворениями, иногда сопровождающихся указанием на место их написания. Это зияние еще и потому так сильно бросается в глаза, что уже во второй ахматовской книге «Четки» датировки играют весьма существенную композиционную и смысловую роль.

Восприятию книги Ахматовой как дневника мешает и то, что всем ее стихотворениям, если только они не входят в озаглавленные циклы, даны названия, пусть даже большинство из них оказывается «псевдоназваниями», в заглавной позиции повторяя первую строку или часть первой строки стихотворения («Как соломинкой...» для стихотворения «Как соломинкой, пьешь мою душу...», «Сердце к сердцу...» для стихотворения «Сердце к сердцу не приковано...» и тому подобное). Этот прием в других поэтических книгах Ахматовой тоже больше не использовался.

Особое же внимание следует обратить на еще один формальный элемент композиции «Вечера», препятствующий восприятию всей книги как поэтического дневника: книга разбита на неозаглавленные разделы, так же, как «Чужое небо» (1912) Гумилева³⁴, но не как «Братские песни» (1912) Клюева и «Дикая порфира» (1912) Зенкевича, где деление на разделы отсутствует. Понятно, что дневник на тематические разделы не разбивают.

Темы разделов ахматовской книги, по-видимому, задаются названиями первых стихотворений каждого из них — «Любовь» (I-ый раздел) — «Обман» (II-ой раздел) — «Музе» (III-ий раздел). Мы, однако, не можем сказать, что абсолютно постигли логику, которой руководствовалась поэтесса, помещая то или иное стихотворение в тот или иной раздел. Почему, например, стихотворение о Пушкине «Смуглый отрок бродил по аллеям...» напечатано не в третьем разделе, а в первом?³⁵ Почему не в первый, а во второй раздел попало стихотворение «Песенка» («Я на солнечном восходе // Про любовь пою...»)? Подобные вопросы можно было бы продолжить долго.

Но мы в заключение этой статьи попробуем предложить вариант ответа на смежный и более широкий вопрос: почему Ахматова — составитель «Вечера» сделала несколько больших и сознательных шагов в сторону от книги-дневника?

Вероятно, потому, что, выстраивая композицию «Вечера», она стремилась поделиться с читателем собственным ощущением «нелинейности» времени, в котором яркие вспышки отдельных событий перемежаются периодами сна, забвения, тумана и бреда. Отсюда и проистекает та «раз-

бросанность мысли» (проявившаяся, не в последнюю очередь, в построении книги), которую Гумилев ставил «Вечеру» в вину³⁶.

Это ощущение роднит «Вечер» с «Камнем» (1913) Осипа Мандельштама, так надписавшего ближайшему товарищу по «Цеху поэтов» свою дебютную книгу стихов: «Анне Ахматовой — вспышки сознания в беспомыслии дней. Почтительно — Автор»³⁷.

Весьма сходно в своем предисловии к «Вечеру» метафорически описывал поэтику книги близко общавшийся с Ахматовой в это время Михаил Кузмин: «<В> минуты крайних опасностей, когда смерть близка, в одну короткую секунду мы вспоминаем столько, сколько не представится нашей памяти и в долгий час, когда мы находимся в обычном состоянии духа. И воспоминания эти идут не последовательно и не целостно, а набегают друг на друга острой и жгучей волной»³⁸.

Примечания

- ¹ Глава из моей новой «Книги об акмеистах».
- ² Ахматова А. А. Десятые годы. М., 1989. С. 79. Ср. с противоположным по смыслу фрагментом из записей Ахматовой: «Когда после Италии я была с Николоем Степановичем» в Москве (1912) и он, как всегда, повел меня по книжным лавкам, я приоткрывала последние номера журналов и находила весьма сочувственные отзывы о «Вечере». Я немедленно закрывала книгу и старалась сделать вид, что я ничего не видела. Мне казалось, что иначе они исчезнут» (Цит. по: Черных В. А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. 1889–1966. М., 2008. С. 76).
- ³ Котрелев Н. В. Послесловие к репринтному изданию // Ахматова А. А. Вечер [репринтное издание]. М., 1988. [С. 96].
- ⁴ См., например: Мейлах М. Б. Примечания // Стихотворения Анны Ахматовой. Душанбе, 1990. С. 449.
- ⁵ Тименчик Р. Д. «Вечер» А. Ахматовой // Памятные книжные даты. 1987. М., 1987. С. 191.
- ⁶ Записные книжки Анны Ахматовой. М. — Torino, 1996. С. 251.
- ⁷ Там же. С. 452.
- ⁸ Перечисляя основные свойства ранних ахматовских стихов, мы воспользовались формулировками из замечательной книги: Жирмунский В. М. Творчество Анны Ахматовой. Л., 1973. См. также: Виноградов В. В. О поэзии Анны Ахматовой (Стилистические наброски). Л., 1925; Эйхенбаум Б. М. Анна Ахматова. Опыт анализа. Пб., 1923.
- ⁹ Подробнее о символистской книге-дневнике см. в обобщающей работе: Лекманов О. А. Книга стихов как «большая форма» в культуре русского модернизма // Авторское книготворчество в поэзии. Материалы Международной научно-практической конференции 19–22 марта 2008 г. Часть I. Омск, 2008. С. 64–87.
- ¹⁰ Здесь и далее в тексте статьи курсив в цитатах везде мой. — О. Л.

- ¹¹ См., например, программное стихотворение Анненского «Черная весна». Об Ахматовой и Анненском см., в первую очередь: *Аникин А. Е.* Ахматова и Анненский. Заметки к теме. I–VII. Препринт. Новосибирск, 1988–1990 гг.
- ¹² «Он был со мной еще совсем недавно, // Такой влюбленный, ласковый и мой, // Но это было белою зимой, // Теперь весна и грусть весны отравна, // Он был со мной еще совсем недавно» («Сегодня мне письма не принесли...»).
- ¹³ Описания пограничных природных состояний весьма многочисленны в «Вечере». См., например: «Не люблю только *час пред рассветом*» («По аллее проводят лошадок...»); «Я на солнечном *восходе* // Про любовь пою» («Песенка»); «Смотреть, как гаснут полосы // В *закатном* мраке хвой» («Белой ночью»); «*Последний луч*, и желтый и тяжелый, // Застыл в букете ярких георгинов» и т. д.
- ¹⁴ Этот мотив в книге Ахматовой счел нужным особо выделить Михаил Кузмин в своем предисловии к «Вечеру»: «Часто она точно и определенно упоминает какой-нибудь предмет (перчатку на столе, облако, как беличья шкурка в небе, желтый свет свечей в спальне, треуголку в Царскосельском парке)» (*Кузмин М. А.* Предисловие // Ахматова А. А. Вечер. Стихи. СПб., 1912. С. 8).
- ¹⁵ Ср., между прочим, в начальных строках более раннего стихотворения Мандельштама 1909 г.: «На бледно-голубой *эмали*, // Какая мыслима в апреле, // Березы ветви поднимали // И незаметно вечерели».
- ¹⁶ Ср. в только что цитировавшейся ахматовской строке: «И в дальнем поле дальний *огонек*».
- ¹⁷ Вряд ли в правильном направлении уводил читательские ассоциации фронтиспис к «Вечеру», нарисованный Евгением Лансере. Изображенная здесь фигура меланхолической девушки с книжкой в руке, чрезвычайно напоминающая царскосельскую ампириную статую, провоцировала воспринять «Вечер», как стилизацию в духе Михаила Кузмина. Впечатление это усиливало предисловие мэтра и, особенно, черно-белые манерные заставки к книге работы А. Белобородова. Между тем, стилизаторская струя, хотя и отчетливо различается в «Вечере», но отнюдь в нем не доминирует.
- ¹⁸ Цит. по: *Черных В. А.* Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. 1889–1966. С. 78. Подчеркнуто В. А. Пястом. — *О. Л.*
- ¹⁹ «Память о *солнце* в сердце слабеет» («Память о солнце в сердце слабеет...»); «Весенним *солнцем* это утро пьяно» («Весенним солнцем это утро пьяно...»); «И *лучи* ложатся тонкие // На несмятую постель» («Муж хлестал меня узорчатым...»); «Я на *солнечном восходе* // Про любовь пою» («Песенка»); «Смотреть, как *гаснут* полосы // В *закатном* мраке хвой» («Белой ночью»); «*Последний луч*, и *желтый* и *тяжелый*, // Застыл в букете ярких георгинов» («Я говорю сейчас словами теми...»); «Вечер осенний был душен и *ал*» («Сероглазый король»); «*Солнце* в небе. *Солнце ярко светит*» («Сладок запах синих виноградин...»); «А она привыкла к покою // И любит *солнечный свет*» («Я места ищу для могилы...»); «И *солнце*, бледный тусклый лик» («Сад»).
- ²⁰ «Легкий *месяц* заблестел» («Я пришла сюда, бездельница...»); «*Луна* освещает карнизы» («Маскарад в парке»).
- ²¹ «Ведь *звезды* были крупнее» («Любовь покоряет обманно...»); «*Звезды* матово-бледны» («Синий вечер. Ветры кротко стихли...»).
- ²² «*Ива на небе* пустом расплстала // Ветер сквозной» («Память о солнце в сердце слабеет...»); «Высоко в *небе* облачко серело» («Высоко в небе облачко серело...»); «*А небо ярче* синего фаянса» («Весенним солнцем это утро пьяно...»); «*Небо* цвета вороненой стали» («Синий вечер. Ветры кротко стихли...»); «*Солнце в небе*. Солнце ярко светит» («Сладок запах синих виноградин...»).
- ²³ «И в дальнем *поле* дальний огонек» («И мальчик, что играет на волынке...»); «В садах твоих, в доме, в *поле*» («Любовь покоряет обманно...»); «Так холодно в *поле*» («Похороны»); «Склонился тусклый мертвый лик // К немому сну *полей*» («Сад»).
- ²⁴ «*Ветер с моря*» («По аллее проводят лошадок...»); «И сказал мне: “Не стой на *ветру*”» («Сжала руки под темной вуалью...»); «*Ветер* снежинками ранними веет» («Память о солнце в сердце слабеет...»); «Хорони, хорони меня, *ветер*» («Хорони, хорони меня, ветер!...»).
- ²⁵ *Чудаков А. П.* Слово–вещь–мир. От Пушкина до Толстого. М., 1992. С. 10.
- ²⁶ См. основополагающую работу: *Максимов Д. Е.* Идея пути в поэтическом сознании Ал. Блока // Максимов Д. Е. Поэзия и проза Ал. Блока. Л., 1975. Об Ахматовой и Блоке см., в первую очередь: *Топоров В. Н.* Ахматова и Блок: к проблеме построения поэтического диалога // «Блоковский текст» Ахматовой. Berkely, 1981.
- ²⁷ Цит. по: *Ахматова А. А.* Поэма без героя. М., 1989. С. 110. См. также финал рецензии Н. Бернера на «Вечер»: «Думается, что первая книга поэта лишь этап пути» (Путь. 1912. № 7. С. 67).
- ²⁸ См. в этом стихотворении далее, с балансированием между реальностью и метафорой: «Но я другу старому не верю, // Он смешной, незрячий и убогий, // Он всю жизнь свою *шагами мерил* // *Длинные и скучные дороги*». Приведем еще два сходных примера из «Вечера»: «Сердце к сердцу не приковано, // Если хочешь — *уходи*. // Много счастья уготовано // Тем, кто волен на *пути*» («Сердце к сердцу не приковано...»); «*Ушедший* от меня грустит, // Но нет *пути* назад» («Сад»).
- ²⁹ См. в «Вечере» еще: «Я бежала за ним до *ворот*» («Сжала руки под темной вуалью...»); «Дорогу вижу до *ворот*» («Весенним солнцем это утро пьяно...»); «И вспыхнул на *воротах* газ» («Туманом легким парк наполнился...»); «И жгучую радость таила, // Рыдая у черных *ворот*» («Три раза пытаться приходила...»).
- ³⁰ Относящееся, впрочем, к «Четкам» (Записные книжки Анны Ахматовой. С. 253).
- ³¹ Там же.
- ³² Цит. по: *Ахматова А. А.* Десять лет. С. 80.
- ³³ Поскольку датировки в «Вечере» отсутствуют, для нас сейчас несущественно, один или разные любовные эпизоды изображаются в трех рассмотренных стихотворениях. Мы исходим не из обстоятельств биографии поэтессы, а из обстоятельств, моделируемых ее дебютной книгой.
- ³⁴ См. свидетельство из ахматовских записных книжек о себе и Гумилеве: «...он от внимательного наблюдения за ее творчеством как-то изменился (имею в виду “Чужое небо”), но это уже другая тема, кот<орая> скорее относится к зарожде-нию акмеизма» (Записные книжки Анны Ахматовой. С. 273).

- ³⁵ Подробнее об этом стихотворении см.: *Тименчик Р. Д.* Ахматова и Пушкин (Разбор стихотворения «Смуглый отрок бродил по аллеям...») // Ученые записки Латвийского университета. Т. 106. Пушкинский сборник. Рига, 1968. С. 124–131.
- ³⁶ В рецензии на «Четки». См.: *Гумилев Н. С.* Сочинения в 3-х тт. Т. 3. М., 1991. С. 141. Ср. с итоговой констатацией Р. Д. Тименчика: «Одним из наиболее бросающихся в глаза читателям 1910-х годов признаков ахматовской поэзии была “мозаичность” — разорваны смысловые связи между отдельными стихотворениями в сборнике» (*Тименчик Р. Д.* Послесловие // Ахматова А. А. Десятые годы. С. 263).
- ³⁷ Цит. по: *Мандельштам О. Э.* Камень (серия «Литературные памятники»). Л., 1990. С. 279. Подробнее о «Камне» с этой точки зрения см.: *Лекманов О. А.* О трех акмеистических книгах. М. Зенкевич. В. Нарбут. О. Мандельштам. М., 2006.
- ³⁸ *Кузмин М. А.* Предисловие // Ахматова А. А. Вечер. Стихи. С. 7.

Владимир Емельянов
(Санкт-Петербург)

Знал ли Александр Иванович халдейский язык?
(Об источниках стихотворения А. Тинякова
«Тукультипалешарра I»)¹

Стихотворение А. И. Тинякова (Одинокого) «Тукультипалешарра I» было опубликовано в первом сборнике поэта «Navis nigra» (М.: Гриф, 1912. 72–73, ком. 90–91; Тиняков, 1998, 59), в пятом цикле «Славословия». На сегодняшний день известен его единственный вариант.

ТУКУЛЬТИПАЛЕШАРРА I
(Царь Ассирии около 1130 г. до Р. Х.)

О, Тукультипалешарра!
Сын губительной Иштар,
Блеск багряного пожара,
Властелин жестоких чар!
Как вулкан свирепо мечет
Тучи пепла, глыбы лав,
Так людей на поле сечи
Ты бросал, войны взалкав.

Ты карал их, ты разил их,
Щедро сыпал труп на труп,
Пировал на их могилах
И точил свой львиный зуб.
Двадцать пять твердынь разрушив
Во враждебной Курхиэ, —
Ты смирил навеки души
В обезбоженной земле.

Страны дальние Наири
Троекратно покорив,
Над руинами в порфире
Стал ты, грозен и красив.

Отдаленным поколениям
Буквы, острые, как нож, —
О тебе поют — и пеньем
Будят в сонных душах дрожь.